

Семевский Михаил Иванович

**Торопец уездный город Псковской
губернии. 1016-1864 г**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Иванович С.**
Торопец уездный город Псковской губернии. 1016-1864 г / Семевский Михаил Иванович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 144 с.

ISBN 978-5-519-85246-3

ISBN 978-5-519-85246-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОРОПЕЦЪ.

1016—1863 г.

(Посвящается А. А. Родзянко).

I.

Основаніе города Торопца теряется въ доисторической древности (*); онъ существовалъ еще до введенія христіанства; это доказывается остатками и памятниками языческаго времени: вокругъ города еще въ XVIII вѣкѣ свящ. Иродіоновъ замѣчалъ „нарочито-окопанныя и положеніемъ отличныя горы“, на которыхъ, вѣроятно, были древнія кумирницы, горы тѣ—по сихъ поръ именуются „поклонными“ (**). Въ свадьбахъ и разныхъ увеселеньяхъ до сихъ поръ соблюдаются обычаи, явно носящія печать язычества. Нѣкоторыя пѣсни и теперь еще напоминаютъ язычество; такъ можно слышать на Торопецкихъ свадьбахъ, при приглашеніи „боженьки“:

Благослови боже боженька,
Свадьбу играть боженька,

(*) Торопецъ нынѣ уѣздный городъ въ восточной части Псковской губерніи, стоитъ на рѣкѣ Торопѣ, впадающей въ Западную Двину. Отъ Торопца до Пскова 357 в., отъ Москвы 467 в., отъ Спб. 553 в.

(**) Видомъ своимъ онѣ отличны отъ сторожевыхъ сопокъ.

Начивать ее боженька,
Въ Воскресенье свѣтлое —
Подь — на свадьбу боженька....
Подь на свадьбу боженька
Скуй намъ свадьбу боженька
Крѣпко, твердо боженька,
Долговѣчно боженька,
Вѣковѣчно боженька!
Люди судать — боженька,
Не разсудать — боженька,
Вѣтромъ вѣть — боженька,
Не развѣть — боженька,
Дождемъ мочить — боженька, (1)
Не размочить боженька,
Солнцемъ сушить — боженька,
Не досушить боженька.... и проч.

Эта замѣчательная пѣсня, проходя сквозь вѣка и тысячи поколѣній, получила христіанскій характеръ, такъ въ ней кромѣ „боженьки“, котораго приглашаютъ сковать свадебку, такъ чтобы ни солнцемъ не засушило, ни дождемъ не размочило, — приглашаютъ „Исуса Христа, Мать Пресвятую Богородицу, всѣхъ Святыхъ-Святителей, 12-ть апостоловъ, Кузьму и Демьяна.“ При этомъ каждое приглашеніе, каждый стихъ заканчивается: „боженька“, это слово является такимъ образомъ припѣвкою, въ родѣ: Даду, Леню, Лелю, Поделю — именами божковъ, которыя еще слышалъ въ пѣсняхъ торопецкихъ сто лѣтъ тому назадъ Иродіоновъ, но намъ уже не удалось слышать. „Божковъ“ своихъ не долго почитали торопчане, лишь только христіанство болѣе и болѣе стало восприниматься городомъ — торопчане стали смѣяться надъ божками и укорять деревянными божками своихъ сожителей, мужичковъ деревенскихъ. Укоры эти слышались и по сихъ поръ: „что у нашемъ, счастливомъ роду, поютъ на дѣвичникѣ:

Все *попы*, все *дьяконы*,
И бургомистры, и ратманы,
А у *вашемъ*, несчастномъ роду:
Всё воры, всё пьяницы,
Мужики деревянные,
Въ деревнѣ родилися,
Ценью-Богу молилися. . . . (*).

Да и какъ не смѣяться было торопчанамъ надъ „мужичками деревянными“, когда у послѣднихъ вѣра и въ божковъ благодѣтелей и съ другой стороны въ „вѣдьмъ-разлучницъ“, была несравненно сильнѣе и упорно держалась вопреки проповѣди подвижниковъ христіанства. Объ упорствѣ этого отстаиванья вѣры въ языческія, темныя силы, можно судить потому, что и теперь между прочимъ, во многихъ деревняхъ Торопецкаго уѣзда, на канунѣ Иванова и Петрова дней можно видѣть дѣвушекъ, закликающихъ *видьмъ*. Дѣвушки взмащиваются на крыши бань (главныхъ притоновъ, по повсемѣстному вѣрованію, шишей, т. е. чертенятъ вѣдьмъ и друг. нечистыхъ силъ) и поютъ:

Заражались три вѣдьмы,
На Петра, да на Ивана:
Первая вѣдьма—законъ разлучаетъ,
Другая вѣдьма—коровъ закликаетъ,
Третья вѣдьма—заломъ ломаетъ.
Первой вѣдьмѣ, что законъ разлучаетъ:
Ее по уши въ землю,
Ей—прощенья—нѣтъ!
Другой вѣдьмѣ, что коровъ закликаетъ,
Ту по плечи въ землю,
Ей—прощенья—нѣтъ!

(*) За вѣсковую старину этой пѣсни, между прочимъ, ручается и то, что въ ней *рода* гордятся *попами*, *дьяконами*, т. е. духовные въ то время *избирались* изъ лучшихъ семей жителей, излюбленно.

Третью вѣдьму, что заломъ ломаетъ,
Ту по поясъ въ землю,
Ей — прощенья — нѣтъ!
Вы катитесь вѣдьмы
За мхи, за болоты,
За гнилыя колоды,
Гдѣ люди не баютъ,
Собаки не лаютъ,
Куры не поютъ,
Вамъ тамъ и мѣсто.

Торопчане христіане насмѣхались надъ мужичками „деревянными“, долѣе ихъ отбивавшихъ лбы въ поклоненіяхъ „цѣпьямъ богамъ“, но сами, въ свою очередь, чтили всѣ игрища, завѣщанныя имъ стариной языческою; они цѣлое тысячелѣтіе не замѣчали разлада, какой являютъ ихъ игрища съ признаваемымъ ими христіанствомъ. Субботки, танцы, „любы“ — страстные общенія дѣвушекъ съ парнями, — страсть къ обычаю — „дигитъ“ (мѣстное наименованіе гульбы дѣвушекъ), кровавые кулачные бои; все это продолжается и теперь, и потѣхи только въ немногихъ подробностяхъ своихъ — слабѣютъ.

Торопецъ впервые встрѣчается въ лѣтописи подъ 1016 годомъ. Знаменитый Кіево-Печерскій отшельникъ Исаакій, былъ родомъ изъ города Торопца. Свѣтское имя отшельника было *Чернъ*, что для историка Торопца, служить — и не безъ основанія — новымъ доказательствомъ до христіанскаго существованія Торопца. Торопецкая область была довольно обширна, ее окружали земли Псковскаго государства и княжества Смоленскаго; въ составъ Торопецкой земли входили нѣкоторыя веси и села нынѣ смѣжныхъ уѣздовъ Псковской губерніи: Холмскаго и Великолукскаго, также часть Бѣльскаго уѣздовъ Смоленской губерніи, и Велижскаго уѣзда Витебской губерніи; самый городъ Велижъ былъ построенъ московскимъ правительствомъ въ 1537 году,

въ *Торопецкой области* (*). Сначала Торопецкая земля, какъ одно изъ народоправствъ, правилась выборными старѣйшинами и вѣчемъ, потомъ, какъ удѣльное княжество, имѣла особаго князя и вѣче, далѣе составная часть Смоленскаго княжества, Торопецъ виѣсть со Смоленскими же городами: Дорогобужемъ и Путивлемъ былъ взятъ въ 1500 году подъ власть московскаго державца.

Первымъ княземъ Торопца былъ удалый молодецъ Мстиславъ Мстиславичъ, рачитель славы и чести своего княжества и Великаго Нова-города. Подъ его знаменами торопчане общесъ новгородцами совершили не мало подвиговъ: одолѣли суздальцевъ, готовыхъ поработити власти своей Новгородъ Великій, били чудь-бѣлоглазую до моря синяго, — словомъ— „въ наставшіе для Новагорода дни героизма, 'славы и чести“, Торопчане проліяли за великое народоправство свою кровь въ борьбѣ съ его врагами, подъ стягомъ Мстислава Удалаго. Подвигамъ блестящимъ князя отведена цѣлая глава въ сочиненіи даровитѣйшаго русскаго историка, къ нему мы и отсылаемъ нашихъ читателей (**).

Вообще въ XIII столѣтіи мы часто встрѣчаемъ торопчанъ подъ общими стягами съ новгородцами и псковичами; и не мудрено, къ дружному дѣйствию увлекало ихъ сходство народоправленій, общность вѣры, интересовъ и опасностей отъ чуди и ливовъ. Въ 1214 году торопчане, ведомые княземъ своимъ Давидомъ, братомъ Псковскаго Владиміра, виѣсть съ новгородскими и псковскими дружинами, опустошили Чудь и привели много плѣнныхъ. Латыши (въ Новгородской лѣто-

(*) Изъ духовной Ивана III, 1504 г., видно, что къ Торопецкой области тянули, т. е. въ ее составъ входили слѣдующія волости и погосты: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцева, Нежелская, Велижская, Писеветская, Життецкая, Озеретская и Казариновская. Всѣ эти мѣста и теперь носятъ тѣже названія.

(**) Сѣверн. русск. народоправ. Н. И. Костомарова, т. I, с. 88—101.

писи, смѣшиваемыя съ литвою) мстили за набѣгъ и опустошенія; торопецкой земли, какъ ближайшая, довелось нѣсколько разъ испытать на себѣ латышскую мечь: села и земли торопецкія, были опустошаемы и разоряемы. Защитниками ихъ являлись въ такихъ случаяхъ новгородцы и псковитяне; торопчане вѣстѣ съ ними нѣсколько разъ удачно били латышей (историки Торопца также ошибочно называютъ ихъ литовцами) отбивали скоть, плѣнниковъ; и въ свою очередь пустошили ихъ земли. Въ одномъ изъ кровавыхъ боевъ съ латышами, торопецкое ополченіе потеряло князя Давида.

Воевали торопчане и подъ стягомъ дружинъ Александра Невскаго. Александръ былъ особенно дорогъ торопчанамъ; въ стѣнахъ торопецкаго града въ 1239 году онъ обвѣнчался съ дочерью Полоцкаго князя. Молодые въ Торопцѣ справляли первую „кашу“, такъ звались брачные пиры. Въ память этого и въ признательность торопчанамъ, вѣроятно, поусердствовавшихъ молодымъ въ приѣмѣ и угощеніи, княгиня оставила въ Торопецкомъ соборѣ образъ Богородицы Ефескія, именуемомъ Корсунскимъ. Образъ этотъ замѣчательнѣйшая святыня и древность Торопца (*).

Сосѣдство съ Литвою дорого стоило Торопцу; особенно поплатился онъ, какъ одинъ изъ порубежныхъ городовъ, въ XIV столѣтіи, во время Ольгердовыхъ вторженій въ Россію. Въ одинъ изъ набѣговъ Ольгерда, старый Торопецъ или какъ онъ назывался тогда *Кривитъ*, былъ въ конецъ разоренъ и выжженъ, жители разбрелись по лѣсамъ и только тогда, когда отхлынула Литва, они вновь собрались и выстроили себѣ новый городъ на острову, по другую сторону рѣки Торопы. Въ

(*) Въ Степенной книгѣ, любопытные могутъ найти исторію этой иконы. Въ благословилъ греческій императоръ Мануилъ полоцкую княжну Ефросинью въ 1170 году. Икона находилась въ Ефесѣ и Корсунѣ (и Херсонѣ) по преданію, она писана Еванг. Лукою. Кн. Прасковья, жена Александра-Невскаго, была внукою Ефросиньи Полоцкой.

XV вѣкѣ Торопецъ состоялъ во власти Литвы, это видно между прочимъ и изъ слѣдующаго случая: въ 1490-хъ годахъ Торопецкій наѣстникъ Зенко, „выграбилъ и сжегъ домъ сосѣда своего наѣстника Холмскаго Колычева, а въ томъ грабежѣ: людей, денегъ, доспѣху, платья и иной рухляди увезъ, на 1,000 рижскихъ рублевъ, да тогда жъ выграбилъ 60 деревень Холмскихъ и 30 человекъ холмитянъ съ женами и дѣтьми головами свелъ, а иныхъ многихъ до смерти побилъ, а животы ихъ и платья, и иной рухляди вывезъ на 700 рижскихъ рублевъ“, Иоаннъ III, владѣвшій уже тогда Новгородскимъ государствомъ со всѣми его пригородами, въ числѣ которыхъ былъ и Холмскій погостъ, жаловался въ 1492 году Литовскому князю и требовалъ отъ него удовлетворенія. Два года спустя, какъ извѣстно, Московскій государь породнился съ Литовскимъ княземъ. Послѣдній женился на дочери Ивана, Еленѣ; въ мирномъ договорѣ по сему случаю, была указана граница Новгородской земли Московской державы съ Литвою и съ Полочаны, и съ Видбляны, и съ *Торопчаны*, землѣ и водѣ по старому рубежу быть“. Бракъ не отстранилъ войны, и въ борьбѣ Москвы съ Литвою, Торопецъ вмѣстѣ съ другими городами, былъ захваченъ подъ руку Ивана III. Осенью 1580 года вслѣдъ за Великими-Луками, тогда сильной крѣпости, взятой Стефаномъ Баторіемъ и Торопецъ увидѣлъ за валами своими отрядъ поляковъ. Отрядомъ предводилъ Брацлавскій, воевода Зборовскій. Онъ разбилъ на голову московское войско, встрѣтившее его подъ Торопцомъ, но самого города взять не могъ. Торопчане заранѣе зная о опустошительномъ вторженіи Баторія за рубежъ, тщательно укрѣпили городъ, возстановили и досыпали валы, поправили острогъ и отсиѣлись „во здравіе“; полякамъ, впрочемъ нѣкогда было и дожидать сдачи Торопца, они потянулись къ главной своей арміи, подъ Псковъ. На пути къ нему Невель, Заволочье, Пусторжевъ, Опочка и Островъ, всѣ эти крѣпостцы не устояли противъ Баторія, и только стѣны и множество псковитянъ остановили его побѣдно-кровавое шествіе.

Какъ въ XV вѣкѣ Торопцомъ правили литовскіе намістники, такъ въ XVI и XVII-мѣ, видимъ здѣсь въ челѣ правленія московскихъ воеводъ; торопчане, надо думать, не колебались въ выборѣ, кому тянуть къ Литвѣ или къ Москвѣ, единство вѣры и языка тянуло ихъ къ Москвѣ, и они съ необыкновеннымъ мужествомъ отбивались отъ латынянъ: польскихъ и литовскихъ людей. Тѣмъ не менѣе, въ пѣсняхъ торопчанъ и теперь еще можно слышать въ припѣвкахъ слова: *царь* на ряду съ наименованіемъ *король*. Быть можетъ, это памятникъ того времени, когда Торопецъ окончательно перешелъ, вслѣдствіе удачи военной брани, отъ Польско-литовскаго *короля* къ Московскому великому князю, *царю*.

„Вокругъ города ходить“, поютъ торопчанки въ одной изъ хороводныхъ пѣсень:

Царевъ сынъ, королевъ,
Невѣсть выбираетъ.
Царевъ сынъ, королевъ,
Ты взойди въ городъ,
Царевъ сынъ, королевъ,
Ты стань, привбодрися,
Царевъ сынъ, королевъ и т. д. (*).

II.

За рубежи Московскаго государства скоро и надолго перевалила польская сила, замутившая и окровавившая сотни го-

(*) Варьянтъ поется такъ:

..... А во городѣ невѣста,
Царевъ-сынъ-королевъ,
Золотымъ щитомъ блистаетъ — ц. с. кор.
Все царевича прельщаетъ, — ц. с. кор.
Растворяйтеся ворота! — ц. с. кор.
Ты войди, царь, въ городъ! — ц. с. кор.
Выбирай себѣ иную, — ц. с. кор. и т. д.

родовъ, тысячи селъ и деревень. Горькую чашу довелось испить и торопецкимъ волостямъ, онѣ были вытоптаны, села и деревни выжжены, но Торопецъ обезсмертилъ себя защитою славною, которою онъ, по справедливости, гордится. Онъ отстоялъ себя противъ Льва Сапѣги, одного изъ храбрѣйшихъ литовскихъ витязей. Сапѣга жегъ, пустошилъ все огнемъ и мечемъ отъ самаго Нижняго-Новгорода до Торопца; отрядъ его, въ числѣ отъ 12 до 20 тысячъ воиновъ, едва ли рассчитывалъ встрѣтить отпоръ въ Торопцѣ и между тѣмъ отпоръ былъ данъ и послѣ кроваваго штурма, Сапѣга съ большимъ урономъ долженъ былъ отступить. Осаду эту подъ живымъ впечатлѣніемъ, прекрасно описалъ неизвѣстный, но близкій къ тому времени, торопецкій лѣтописецъ (*).

..... „Окоянному Льву или Александру литовскому, Канцлеру польскому, наченшу отъ востока даже до запада въ Рустѣй земли, яко нѣкоей страшной молніи протещи, пополюючи и пожигаючи, и вездѣ пусто полагаючи. Не зазрите-жь ми, молюся вамъ, аще любо не тако именовахъ проклятого лиха; неусомнѣваюся звѣронравнаго назвати змѣемъ льстивымъ или львомъ-жестокимъ, или волкомъ-хищнымъ, или татемъ. Многа себѣ притежа имѣнія окоянный противу злобы сердца своего. Внегда достизающе ему, окоянному лиху, *на край предлюва* Рустѣй земли, видить: яко *градъ сей*, Богоспасаемый Торопецъ, преданный въ стражбу Божіей Матери, Преподобнословеннѣй Госпожи нашей Богородицы, на водвореніе и на пребываніе Пречуднаго и Чудотворнаго ея Пречестнаго образа, именованнаго Корсунскія. *Приращеніе же*, еже реку *Острога*, ввѣрено во стражбу великому въ чудесѣхъ пастырю нашему (образу) Николаю (Чудотворца)“ Воздавъ хвалу заступничествамъ ихъ за градъ Торопецъ въ прежнія, многія

(*) Разсказъ его, сколько намъ извѣстно, не былъ еще въ печати, мы помѣстимъ его въ какомъ нибудь Сборникѣ матеріаловъ, здѣсь же приводимъ разсказъ по этой лѣтописи съ выпиской мѣстами подлинника

нашествія иноплемениковъ, когда послѣдніе: „все исчезау и безъ вѣсти бываху и уязвлени отбѣгаху, понеже бо супротивнымъ многожды видяшеся градъ, яко на воздусѣ стоящъ и ничемъ не врежденъ пребывающъ,“ лѣтописецъ на подлежащее возвращается: „Внегда приспѣ злокозненный ко граду сему (лѣтомъ 1611 года), отходитъ отъ града, яко на тридцать поприщъ и станомъ ста въ селѣ, зовомо Конищѣво (*). И стояще восемь дней: кони неговаше, оружіе заправляше, и вся, яже на разоренье града ухищря...“ „И ляхъ сей — ведый съ собою вой конницъ и пешицъ, яко двадцать тысящъ (**); во градъ же едва мощно обрѣсти тысящу, или мало вящши, но и тѣи отъ осады истомлени... И сугубо ко граду же окаянный безспрестани посылаше воя своя: ово съ ласканіемъ, ово съ прещеніемъ, да предадутъ градъ. На сердцѣ же окаянный помысль злу имѣяше: внегда похититъ градъ, тогда и гнѣздо себѣ ту свіетъ. И изчадія своя ехиднова положить жити; — понеже бо, улюбился ему градъ твердъ, земля доброплодна, воды сладки. Хотяше бо прелукавый змій христіанская опреченіи, и римскія вѣры прелесть ввести...“ Въ ужасѣ отъ такой грозы, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, торопчане безпрестанно притекали къ образамъ Богородицы и Николая: „Священники и народъ слезно и неусыпно молили въ церквахъ да не предастся градъ врагамъ на истребленіе, вѣры на извращеніе.“ — „Внегда же достигну осмому дни (Септѣа), уже и шествіе творящу ко граду оному жестокому льву, или хищному волку, хотяща овца Христова словеснаго стада во единъ

(*) Село Конищевое нынѣ въ Холмскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ отъ Торопца, тамъ указываютъ сопку, подъ которой будто погребенъ богатырь. Никто не пройдетъ мимо таинственной могилы, чтобы не бросить сѣна на нее; и никогда никто не возьметъ этого сѣна, а его накапливается на могилѣ порядочныя копны.

(**) ... И пришедъ съ воинствомъ своимъ, въ двѣнадцати тысячахъ подъ Торопецъ, ополчился въ селѣ Конищевѣ, и стоялъ тамъ семь дней.... *Продіюновъ*. 1778 г. с. 18.